**РЕЗУЛЬТАТЫ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ДОКАЗЫВАНИЕ:
ГДЕ ИСКАТЬ ИСТОКИ СУЩЕСТВУЮЩИХ ПРОТИВОРЕЧИЙ?****THE RESULTS OF THE OPERATIONAL AND SEARCH ACTIVITY AND
PROVISION OF EVIDENCE IN CRIMINAL PROCEDURE: WHERE CAN
WE LOOK FOR SOURCES OF EXISTING CONTRADICTIONS?**

УДК 343.14

С.Б. РОССИНСКИЙ,
доктор юридических наук, доцент
(Институт государства и права
Российской академии наук,
Россия, Москва)
s.rossinskiy@gmail.com

SERGEY B. ROSSINSKIY,
Doctor of Law, Associate Professor
(Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia)

Аннотация: в статье в очередной раз рассматриваются проблемы, связанные с возможностью использования в доказывании по уголовному делу результатов оперативно-розыскной деятельности правоохранительных органов полицейского типа. В целом являясь сторонником признания результатов оперативно-розыскной деятельности автономными средствами доказывания без необходимости их юридической трансформации в другие виды доказательств, автор пытается выявить и проанализировать глубинные исторические причины, предопределившие возникновение законодательных противоречий и обусловленных ими практических трудностей в этом сегменте уголовно-процессуального регулирования. Основываясь на результатах своих предыдущих исследований по проблемам досудебного производства, автор связывает и появление самого феномена оперативно-розыскной деятельности как автономного направления работы правоохранительных органов, и возникновение проблем, сопряженных с использованием ее результатов в доказывании по уголовному делу, с формировавшейся начиная с 1920-х гг. и сохранившейся до настоящего времени самобытной российской системой досудебного производства, выраженной в интеграции функций «полиции» и «юстиции» и наделении «силовых» министерств и ведомств процессуальными полномочиями судбно-следственного характера. В этой связи делается вывод, что существующие доктринальные, нормативно-правовые и практические проблемы и противоречия, возникающие в связи с возможностью и допустимыми пределами использования органами предварительного расследования и судом результатов оперативно-розыскной деятельности, могут быть окончательно разрешены только путем пересмотра общей концепции национальной системы досудебного производства при условии четкого понимания перспектив ее дальнейшего развития в духе, соответствующем интересам российского общества и государства.

Ключевые слова: дознание, доказательства, оперативно-розыскная деятельность, предварительное следствие, результаты оперативно-розыскной деятельности.

Для цитирования: Россинский С.Б. Результаты оперативно-розыскной деятельности и уголовно-процессуальное доказывание: где искать истоки существующих противоречий? // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. 2021. № 4. С. 33–39.

Abstract: the article examines the problems associated with the possibility of using the results of the operational and search activity carried out by police-type law enforcement agencies in providing evidence in a criminal case. In general, being a supporter of the recognition of the results of the operational and search activity as an autonomous means of proof without the need for their legal transformation into other types of evidence, the author endeavours to determine and analyze in-depth historical reasons that predetermined the emergence of legislative contradictions and the resulting practical difficulties in this segment of the criminal

procedure regulation. Based on the results of the previous research devoted to the problems of pre-trial proceedings, the author interconnects the emergence of the phenomenon of the operational and search activity as an autonomous direction of the work of law enforcement agencies and problems associated with the use of the results of operational and search activities in providing evidence in a criminal case with the formation of the authentic Russian system of pre-trial proceedings that started its formation in 1920s and has survived to this day. The system is expressed in the integration of the «police» and «justice» functions and the vesting of the «power» ministries and departments with procedural powers that are judicial and investigative in nature. In this regard, the author concludes that the existing doctrinal, regulatory and practical problems and contradictions arising in connection with the possibility and permissible limits of the use of the results of the operational and search activity by the preliminary investigation bodies and the court can be finally resolved only by revising the general concept of the national system of pre-trial proceedings subject to a clear understanding of the prospects for its further development in a way consistent with the interests of the Russian society and the State.

Keywords: inquiry, evidence; operational and search activity, preliminary investigation, results of operational and search activities.

For citation: Rossinskiy S.B. The results of the operational and search activity and provision of evidence in criminal procedure: where can we look for sources of existing contradictions? // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. 2021. № 4. P. 33–39.

На общем фоне множества проблем, традиционно присущих теории, законодательному регулированию и практике уголовно-процессуального доказывания, особый интерес представляют вопросы, сопряженные с возможностью и допустимыми пределами использования органами предварительного расследования и судом результатов оперативно-розыскной деятельности, то есть весьма специфических информационных ресурсов, появляющихся вне предусмотренного Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации¹ правового режима, но вместе с тем играющих важную роль при обосновании приговоров, постановлений о привлечении в качестве обвиняемого и других правоприменительных актов юрисдикционного характера. Так, с одной стороны, высокий познавательный потенциал результатов оперативно-розыскной деятельности (иногда даже их незаменимость) для установления некоторых обстоятельств, входящих в предмет доказывания по уголовному делу, наглядно подтверждается множеством эмпирических данных и примеров из современной судебно-следственной практики², в связи с чем признается если не всеми, то, по крайней мере, подавляющим большинством ученых-процессуалистов, посвятивших свои публикации указанной проблематике [2, с. 4; 3, с. 284; 4,

с. 7; 5, с. 199 и др.]. С другой стороны, продуктивному использованию в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности очень мешают так и не разрешенные по сей день противоречия между присущей современным условиям чересчур сильной абсолютизацией, подчас даже идеализацией, искусственно созданных догм и канонов уголовно-процессуального права (неких уголовно-процессуальных «ценностей») и реальными познавательными возможностями органов дознания, предварительного следствия и суда, которые детерминированы имеющими естественное происхождение гносеологическими механизмами познания человеком окружающего мира.

Указанные противоречия приводят к осторожности, нерешительности и, самое главное, непоследовательности правотворческой политики в данном сегменте уголовно-процессуального регулирования, чем предопределяют существование малопригодных (а если быть точнее – вообще непригодных) для применения юридических норм, вызывающих лишь правовую неопределенность и немалые практические трудности. Причем наименее удачными и принципиально невыполнимыми представляются условия, установленные именно действующим уголовно-процессуальным законом (ст. 89 УПК РФ), который, как известно, разрабатывался в конце 1990-х годов коллективом авторов, состоявшим преимущественно из ученых-идеалистов – апологетов прав человека, и формировался под сильным влиянием заокеанских «партнеров». По всей вероятности, будучи сильно подвержены либеральной пропаганде того времени и имея изначально негативный настрой по отношению к правоохранительным органам, разработчики УПК РФ усмотрели в существовавшем на тот

¹ Далее – УПК РФ.

² Одним из последних подобные эмпирические данные собрал, обобщил, проанализировал и проиллюстрировал удачными практическими примерами А.В. Вытовтов, который в недавнем прошлом под научным руководством автора настоящей статьи подготовил и успешно защитил в Омской академии МВД России кандидатскую диссертацию «Результаты оперативно-розыскной деятельности как средства доказывания в уголовном судопроизводстве (по материалам уголовных дел экономической направленности)» [1, с. 53–54].

момент порядке³ очередную опасность «полицейского» произвола. В связи с чем вместо имевшейся ранее возможности использования результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании после их надлежащей проверки уголовно-процессуальными средствами нынешний УПК РФ просто запрещает их использование в случаях их несоответствия своим же собственным «внутренним» требованиям, а поскольку результаты оперативно-розыскной деятельности по определению формируются в ином правовом режиме, то есть даже гипотетически не могут соответствовать требованиям уголовно-процессуального законодательства, практическое применение ст. 89 УПК РФ представляется невозможным, на что уже неоднократно обращали внимание более прагматично настроенные ученые [6, с. 182; 7, с. 363; 8, с. 97 и др.]. Поэтому нет ничего странного в том, что для преодоления указанных трудностей в правоприменительной практике постоянно изобретаются различные «обходные пути» — используются разнообразные прикладные технологии, формально (как бы на бумаге) соответствующие требованиям (читай — запретам), установленным ст. 89 УПК РФ, а на самом деле предполагающие игнорирование существующих правил. Сегодняшние дознаватели, следователи, прокуроры, судьи и даже многие адвокаты воспринимают как обыденность, как некую данность фактическую презумпцию доброкачественности результатов оперативно-розыскной деятельности в случае соблюдения представившими их правоохранительными органами весьма нечетких и противоречивых требований Закона об ОРД⁴ (не УПК РФ, а именно Закона об ОРД!), а также подзаконного нормативного правового акта — Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд⁵. Вряд ли многие из указанных лиц усомнятся в правомерности придания подобным материалам требуемого

юридического состояния — статуса полноценных доказательств — не путем вынесения специального государственно-властного следственного или судебного акта, а посредством сугубо технического приобщения к уголовному делу (подшивания к уголовному делу). Вряд ли суд апелляционной, кассационной или надзорной инстанции отменит приговор (иное решение) нижестоящего суда ввиду его обоснования в том числе «материалами оперативно-розыскного мероприятия... полученными с соблюдением требований УПК РФ» (ранее автор статьи уже приводил конкретные примеры подобных судебных актов [9, с. 174]) и т.д.

В этой связи на протяжении всех последних лет ученые стремятся выработать оптимальные критерии и условия использования в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности, которые, с одной стороны, должны отвечать современным представлениям о смысле и предназначении уголовного судопроизводства, соответствовать его базовым принципам (тем самым уголовно-процессуальным «ценностям»), а с другой — быть реально выполнимыми, то есть не побуждать к изобретению «обходных путей», а предполагать подлинно эффективный механизм, обеспеченный максимально возможным уровнем юридических гарантий доброкачественности соответствующих сведений. Высказываются различные точки зрения — от безусловного признания результатов оперативно-розыскной деятельности автономными средствами уголовно-процессуального доказывания до полного отрицания такой возможности, что, в свою очередь, приводит к бурным научным дискуссиям.

Проявляя интерес к уголовно-процессуальному доказыванию в целом и собиранию доказательств органами предварительного расследования в частности, автор статьи всегда принимал активное участие в подобных дискуссиях и в прежних публикациях неоднократно излагал свою точку зрения по данному поводу [9, с. 181; 10, с. 117–119; 11, с. 79–80;]. Однако в последнее время постепенно стало приходить понимание некоторой ограниченности предмета всех подобных исследований, обсуждений и споров, обуславливающей их малую продуктивность, неспособность привести к ожидаемому эффекту и решить поставленные задачи. Ведь осуществляемые в этом сегменте уголовно-процессуального регулирования научные изыскания, как правило, исчерпываются анализом недостатков законодательства, а также предопределенных ими практических трудностей. Иными словами, в научный фокус проводимых исследований преимущественно попадают не обстоятельства, предопределившие возникновение проблем ис-

³ На момент подготовки проекта УПК РФ порядок использования в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности был установлен ч. 2 ст. 29 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик (Закон СССР от 25 декабря 1958 г. в редакции от 12 июня 1990 г.).

⁴ Здесь и далее — Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» с последующими изменениями и дополнениями.

⁵ Инструкция о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд (утверждена совместным приказом МВД России № 776, Минобороны России № 703, ФСБ России № 509, ФСО России № 507, ФТС России № 1820, СВР России № 42, ФСИН России № 535, ФСКН России № 398, СК России № 68 от 27 сентября 2013 г.).

пользования в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности, а лишь сами эти проблемы (говоря языком философии, не причины, а следствия).

Вместе с тем думается, что продуктивность и эффективность любых подобных исследований напрямую связана с выявлением, уразумением и надлежащей оценкой подлинно глубинных причин, детерминировавших те или иные правовые коллизии, в том числе и проблемы, сопряженные с введением в уголовный процесс полезных сведений, полученных правоохранительными органами в ходе осуществления оперативно-розыскных мероприятий, тем более что такие глубинные причины, безусловно, существуют, а их возникновение напрямую связано с особенностями формирования и многолетнего развития советской уголовной юстиции и советского уголовно-процессуального права.

Так, в прежних публикациях автора статьи уже неоднократно отмечалось, что во многом унаследовавшая советские подходы современная российская система досудебного производства (кстати, как и аналогичные системы, используемые в других постсоветских государствах) представляет собой достаточно необычный и интересный парадокс – ввиду целого ряда факторов и исторических катаклизмов XX века в России возникла весьма уникальная и самобытная форма, выраженная в смешении и переплетении различных, в том числе плохо совместимых, правовых условий, свойственных для разных моделей и вариантов уголовно-процессуальной деятельности, в частности, в интеграции функций «полиции» и «юстиции» и наделении правоохранительных органов полицейского типа юрисдикционными полномочиями судебно-следственного характера по собиранию полноценных доказательств [12, с. 43]. Постепенное формирование и развитие подобных синтетических конструкций в конечном счете привело к потребности введения в сферу правового регулирования множеств амортизирующих норм и целых институтов, обеспечивающих слаженность механизмов выявления, раскрытия и расследования преступлений в условиях возникших «нестыковок».

Представляется, что именно этим можно объяснить и появление самого феномена оперативно-розыскной деятельности как автономного, строго отграниченного от процессуального предварительного расследования (!) направления работы правоохранительных органов, и возникновение проблем, связанных с использованием ее результатов в доказывании по уголовному делу. Кстати, весьма показательно, что термин «оперативно-розыскная деятельность» был введен в научный оборот и

правоохранительную практику лишь в первой половине 1960-х годов. Автором термина считается известный советский ученый профессор А.Г. Лекарь, который в 1963 году сформулировал и обосновал понятие оперативно-розыскной деятельности органов охраны общественного порядка. К указанному периоду времени относятся и первые научные дискуссии о границах допустимости использования результатов оперативно-розыскной деятельности для решения задач уголовного судопроизводства.

Таким образом, феномен оперативно-розыскной деятельности, по крайней мере, в том понимании, которое вытекает из смысла Закона об ОРД, присущ лишь правовым системам ряда постсоветских государств, в первую очередь Российской Федерации, – именно они и сталкиваются с поднимаемыми в статье проблемами. Тогда как для других правовых систем этот феномен вообще особо не знаком, а проблемы использования результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовно-процессуальном доказывании не представляют особой актуальности.

В частности, в Великобритании, США, государствах Британского содружества наций и иных странах, использующих англосаксонскую (состязательную) модель уголовного судопроизводства, предварительное расследование вообще не входит в сферу уголовно-процессуального регулирования, а формирование позиции обвинения для предстоящего судебного разбирательства осуществляется посредством непроцессуального полицейского дознания (англ. – investigation), одновременно направленного и на выявление, и на раскрытие, и на расследование преступлений, то есть как бы интегрирующего оперативно-розыскную и следственную функции в рамках единых механизмов работы правоохранительных органов полицейского типа. Поэтому результаты такой деятельности не признаются полноценными судебными доказательствами, а являются лишь полезными предметами, документами, сведениями, изначально имеющими для суда такую же юридическую силу, какой обладают и «встречные» познавательные ресурсы, накапливаемые стороной защиты, в первую очередь адвокатом. Юридически пригодными средствами доказывания все указанные материалы признаются лишь в судебном заседании после их надлежащей проверки и оценки, проводимой в условиях состязательности и равноправия сторон.

Для правовых систем ФРГ, Австрии, Швейцарии, Португалии, Польши и других государств, использующих «немецкий» вариант романо-германской модели досудебного про-

изводства⁶, то есть упразднивших институт следственных судей (судебных следователей), границы между процессуальной и непроцессуальной деятельностью органов полицейского типа в части собирания потенциальных средств судебного доказывания также представляются весьма размытыми и релятивными. Невзирая на то, что осуществляемое в этих странах предварительное расследование в форме полицейского дознания, в отличие от англосаксонской системы, уже входит в предмет уголовно-процессуального регулирования, оно все равно не предполагает возможности формирования полноценных доказательств – полиция вправе собирать лишь так называемые свободные доказательства, имеющие несоизмеримо меньшую юридическую силу по сравнению с «жесткими» судебными доказательствами.

В свою очередь, правовые системы Франции, Испании, Греции и других стран, использующих «французский» вариант, то есть «классическую» схему романо-германской модели досудебного производства⁷, основываются на существовании четкой грани между полицейским дознанием и предварительным следствием, находящимся в ведении следственного судьи (судебного следователя), обладающего исключительными полномочиями по досудебному формированию юридически доброкачественных доказательств, равных по юридической силе доказательствам, полученным в судебном заседании. Иными словами, «французский» вариант тоже не наделяет правоохранительные органы полицейского типа правом самостоятельного собирания полноценных средств доказывания, подлежащих использованию для судебного установления обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, и обоснования со-

ответствующих правоприменительных актов.

Таким образом, во всех этих государствах критерий для разграничения непроцессуальных либо «полупроцессуальных» (полицейских) и процессуальных (юрисдикционных) полномочий вполне очевиден и понятен. Он детерминируется их нахождением в ведении принципиально разных государственных органов: правоохранительных органов полицейского типа и органов судебной власти. Поэтому какая-либо дифференциация оперативно-розыскных полномочий и полномочий по полицейскому расследованию преступлений не имеет никакого смысла, а проблема использования результатов оперативно-розыскной деятельности лишается какой-либо актуальности, поскольку полностью поглощается более общей проблемой определения судом юридической доброкачественности полицейских материалов. «Западным» ученым и законодателю известна лишь категория «полицейское дознание», которая сводится к совокупности действий и решений правоохранительных органов, направленных на выявление, раскрытие и расследование преступлений и при этом порождающих не полноценные доказательства, а лишь полезные сведения, в лучшем случае «доказательственные полуфабрикаты», требующие последующего доведения до надлежащих юридических кондиций посредством использования юрисдикционных (судебных либо судебно-следственных) полномочий.

И только возникшие в советский период развития национальной правовой системы как бы встречные тенденции, выраженные в постепенной «административизации» предварительного следствия и «процессуализации» дознания, то есть в постепенном смещении функций «полиции» и «юстиции», предопределили необходимость появления четкой юридической границы между непроцессуальными и процессуальными полномочиями одних и тех же правоохранительных органов. Лишь в Российской Федерации и некоторых других странах, возникших на постсоветском пространстве, государственные органы полицейского или параполицейского⁸ типа наделены процессуальными полномочиями судебно-следственного характера, в том числе способны собирать (формировать) полноценные доказательства, приравненные по своему статусу и юридической силе к доказательствам, полученным в ходе судебного разби-

⁶ Под «немецким» вариантом романо-германской модели досудебного производства автор настоящей статьи условно понимает концепцию построения досудебного производства в ряде европейских государств, предполагающую осуществление предварительного расследования правоохранительными органами полицейского типа либо под прямым руководством прокурора, являющегося как бы «хозяином процесса» (нем. – *herr des ermittlungsverfahren*), либо в условиях сильной зависимости от его надзорных полномочий [12, с. 23–24].

⁷ Под «французским» вариантом романо-германской модели досудебного производства автор настоящей статьи условно понимает концепцию построения досудебного производства в ряде европейских государств, основанную на «классических» идеях континентального уголовного процесса, возникших на рубеже XVIII–XIX вв. и впервые получивших нормативное закрепление в так называемом Наполеоновском кодексе – Кодексе уголовного следствия Французской империи 1808 г. «Французский» вариант предполагает дифференциацию непроцессуального полицейского дознания и предварительного следствия, находящегося в ведении представителей судебной власти: следственных судей (фр. – *juge d'instruction*) либо судебных следователей, обладающих юрисдикционными полномочиями [12, с. 23].

⁸ Под органами параполицейского типа автор настоящей статьи понимает: капитанов судов, находящихся в дальнем плавании, глав дипломатических представительств Российской Федерации, командиров воинских частей и т.п. К органам параполицейского типа с определенной долей условности также можно отнести и Следственный комитет Российской Федерации, который, формально не входя в систему исполнительной власти, по своей сути является типичным правоохранительным органом, «силовым» ведомством.

рательства уголовного дела (ч. 2 ст. 17 УПК РФ)⁹. В этой связи ввиду понятных причин и возникла потребность в разграничении подобных полномочий с другими полномочиями, принадлежащими тем же самым органам, но осуществляемыми вне уголовно-процессуальной формы, в первую очередь полномочиями по выявлению и раскрытию преступлений. *Именно этим и можно объяснить возникновение феномена оперативно-розыскной деятельности, ее доктринальное и законодательное обособление от предварительного расследования, а также актуализацию проблем, сопряженных с использованием ее результатов в доказывании по уголовному делу.*

Правда, в советский период проблемы использования в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности не были столь актуальными, каковыми являются в настоящее время. Они не вызывали особого интереса у ученых-процессуалистов, не предполагали широкого обсуждения, не побуждали к дискуссиям. Более того, до недавнего времени оперативно-розыскная деятельность вообще имела подзаконный характер, регламентировалась преимущественно секретными нормативными правовыми актами. Однако ввиду отсутствия в СССР подлинно эффективных институтов гражданского общества и состязательности уголовного судопроизводства, позволяющей оспорить доброкачественность представленных оперативными сотрудниками материалов и (или) признать их недопустимыми средствами доказывания, на указанный правовой изъян просто никто не обращал особого внимания. Поэтому ни ученые-процессуалисты, ни практические работники не ощущали никакой потребности в надлежащем законодательном регулировании соответствующих правоотношений.

Тогда как современные реалии развития правовой системы Российской Федерации, обусловленные приоритетом прав и свобод личности, имплементацией норм международного права и другими известными факторами, предопределили изменение концептуальных подходов к уголовной юстиции в целом и стандартам доказывания в частности. Расширение состязательных начал уголовного судопроизводства, усилившее активность адвокатуры, послужило хорошим юридическим индикатором, поскольку наконец позволило

выявить факты абсолютно ненадлежащего законодательного регулирования и самой оперативно-розыскной деятельности, и правовых условий использования ее результатов в качестве средств уголовно-процессуального доказывания, а также обнаружить слабые звенья в применяемых на практике соответствующих прикладных технологиях. Иными словами, возникшие в 1990-е годы новые подходы к построению уголовного процесса возымели эффект «лакумсовой бумажки», поспособствовали тому, что зреющие годами проблемы, сопряженные с использованием результатов оперативно-розыскной деятельности, на которые ранее просто никто не обращал внимания, буквально всплыли на поверхность и стали предметом оживленных научных обсуждений и дискуссий.

Таким образом, подводя итог настоящему исследованию, необходимо обратить внимание, что существующие доктринальные, нормативно-правовые и практические проблемы и противоречия, сопряженные с возможностью и допустимыми пределами использования органами предварительного расследования и судом результатов оперативно-розыскной деятельности, могут быть окончательно разрешены только путем пересмотра общей концепции национальной системы досудебного производства при условии четкого понимания перспектив ее дальнейшего развития в духе, соответствующем интересам российского общества и государства. Какими видятся эти перспективы? Целесообразно ли реставрировать существовавшую до 1917 года и построенную наподобие «французского» варианта романо-германской модели досудебного производства дореволюционную систему предварительного расследования, восстановив институт судебных следователей или заменив его более «модным» на сегодняшний день институтом следственных судей? А может быть, целесообразнее, взяв за основу «немецкий» вариант, полностью переложить полномочия по расследованию преступлений на прокурора и подчиненные ему органы дознания? Или стоит пойти каким-то третьим путем, например, предполагающим усиление процессуальной роли Следственного комитета Российской Федерации?

Ответы эти вопросы весьма сложны, неоднозначны и явно выходят за предмет настоящей статьи. Хотя представляется, что в решении данных проблем разумнее всего исходить из политики умеренного консерватизма, стремясь по возможности сохранить и максимально использовать весь позитивный опыт советской системы уголовной юстиции, накопленный в этой сфере правового регулирования за долгие годы.

В любом случае очевидно, что законодателю следует наконец прекратить свойственные для сегодняшней уголовно-процессуальной политики пра-

⁹ В этой связи стоит напомнить, что действующий уголовно-процессуальный закон предусматривает лишь основания для признания доказательств недопустимыми (ч. 2 ст. 75 УПК РФ) и порядок исключения соответствующих материалов процессуальной деятельности органов дознания и предварительного следствия из судебного разбирательства (ч. 4 ст. 88, ч. 5 ст. 234, ст. 235 УПК РФ), но не наоборот! Таким образом, полученные (сформированные) в ходе досудебного производства доказательства признаются допустимыми уже по факту своего возникновения (приобщения к материалам уголовного дела).

вотворческие метания и остановиться на какой-то одной концепции дальнейшего развития уголовного судопроизводства в целом и механизмов доказывания в частности, максимально соответствующей запросам и подлинным потребностям российского общества. Более того, любые дальнейшие реформы должны иметь не сугубо законодательный, а комплексный характер, и начинать их надлежит не с внесения очередной порции изменений и

дополнений в УПК РФ, Закон об ОРД или другие нормативные источники, а с пересмотра требований к лицам, замещающим должности, предполагающие реализацию оперативно-розыскных или судебно-следственных полномочий, с повышения уровня их профессионализма, нравственности, правосознания, правопонимания, ответственности и других качеств, столь необходимых для решения непростых задач уголовного судопроизводства.

Литература

1. **Вытовтов А.В.** Результаты оперативно-розыскной деятельности как средства доказывания в уголовном судопроизводстве (по материалам уголовных дел экономической направленности): диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. – Иркутск: ВСИ МВД России, 2020. – 221 с.
2. **Поляков М.П.** Уголовно-процессуальная интерпретация результатов оперативно-розыскной деятельности: диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук. – Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2002. – 442 с.
3. **Астафьев Ю.В.** Методологические основы соотношения оперативно-розыскной и доказательственной информации в расследовании преступлений // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2007. – № 1. – С. 280–290.
4. **Доля Е.А.** Формирование доказательств на основе результатов оперативно-розыскной деятельности. – Москва: Проспект, 2009. – 373 с.
5. **Азаров В.А.** Что мешает эффективному использованию результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовно-процессуальном доказывании? // Доказывание и принятие решений в современном уголовном судопроизводстве: материалы международной науч.-практ. конференции. – Москва: Элит, 2011. С. 199–202.
6. **Поляков М.П.** Использование результатов ОРД в доказывании // Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: год правоприменения и преподавания: материалы международной науч.-практ. конференции. – Москва: МГЮА, 2004. С. 182–184.
7. **Зажицкий В.И.** Результаты оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве: теория и практика. – Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2006. – 441 с.
8. **Петуховский А.А.** Проблемы доказывания в уголовном процессе (совершенствование законодательства и правоприменительной практики). – Москва: Академия управления МВД России, 2009. – 113 с.
9. **Россинский С.Б.** Использование результатов «невербальных» оперативно-розыскных мероприятий в доказывании по уголовному делу – объективная необходимость // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2015. – № 3. – С. 171–184.
10. **Россинский С.Б.** Результаты оперативно-розыскной деятельности нужно признать доказательствами по уголовному делу // Судебная власть и уголовный процесс. – 2018. – № 2. – С. 111–119.
11. **Россинский С.Б.** Проблема использования в уголовном процессе результатов оперативно-розыскной деятельности требует окончательного разрешения // Lex russica (Русский закон). – 2018. – № 10 (143). – С. 70–84.
12. **Россинский С.Б.** Досудебное производство по уголовному делу: сущность и способы собирания доказательств. – Москва: Норма, 2021. – 408 с.

References

1. **Vytovtov A.V.** Rezul'taty operativno-rozysknoi deyatel'nosti kak sredstva dokazyvaniya v ugovnom sudoproizvodstve (po materialam ugovolnykh del ekonomicheskoi napravlenosti): dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata yuridicheskikh nauk. – Irkutsk: VSI MVD Rossii, 2020. – 221 s.
2. **Polyakov M.P.** Ugolovno-protsessual'naya interpretatsiya rezul'tatov operativno-rozysknoi deyatel'nosti: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni doktora yuridicheskikh nauk. – Nizhnii Novgorod: Nizhegorodskaya akademiya MVD Rossii, 2002. – 442 s.
3. **Astaf'ev Yu.V.** Metodologicheskie osnovy sootnosheniya operativno-rozysknoi i dokazatel'svennoi informatsii v rassledovanii prestuplenii // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo. – 2007. – № 1. – S. 280–290.
4. **Dolya E.A.** Formirovanie dokazatel'stv na osnove rezul'tatov operativno-rozysknoi deyatel'nosti. – Moskva: Prospekt, 2009. – 373 s.
5. **Azarov V.A.** Chto meshaet effektivnomu ispol'zovaniyu rezul'tatov operativno-rozysknoi deyatel'nosti v ugovno-protsessual'nom dokazyvanii? // Dokazyvanie i prinyatie reshenii v sovremennom ugovnom sudoproizvodstve: materialy mezhdunarodnoi nauch.-prakt. konferentsii. – Moskva: Elit, 2011. S. 199–202.
6. **Polyakov M.P.** Ispol'zovanie rezul'tatov ORD v dokazyvanii // Ugolovno-protsessual'nyi kodeks Rossiiskoi Federatsii: god pravoprimeniya i prepodavaniya: materialy mezhdunarodnoi nauch.-prakt. konferentsii. – Moskva: MGYuA, 2004. S. 182–184.
7. **Zazhitskii V.I.** Rezul'taty operativno-rozysknoi deyatel'nosti v ugovnom sudoproizvodstve: teoriya i praktika. – Sankt-Peterburg: Yuridicheskii tsentr Press, 2006. – 441 s.
8. **Petukhovskii A.A.** Problemy dokazyvaniya v ugovnom protsesse (sovershenstvovanie zakonodatel'stva i pravoprimenitel'noi praktiki). – Moskva: Akademiya upravleniya MVD Rossii, 2009. – 113 s.
9. **Rossinskii S.B.** Ispol'zovanie rezul'tatov "neverbal'nykh" operativno-rozysknykh meropriyatiy v dokazyvanii po ugovnomu delu – ob"ektivnaya neobkhodimost' // Biblioteka kriminalista. Nauchnyi zhurnal. – 2015. – № 3. – S. 171–184.
10. **Rossinskii S.B.** Rezul'taty operativno-rozysknoi deyatel'nosti nuzhno priznat' dokazatel'stvami po ugovnomu delu // Sudebnaya vlast' i ugovnyi protsess. – 2018. – № 2. – S. 111–119.
11. **Rossinskii S.B.** Problema ispol'zovaniya v ugovnom protsesse rezul'tatov operativno-rozysknoi deyatel'nosti trebuets okonchatel'nogo razresheniya // Lex russica (Russkii zakon). – 2018. – № 10 (143). – S. 70–84.
12. **Rossinskii S.B.** Dosudebnoe proizvodstvo po ugovnomu delu: sushchnost' i sposoby sobiraniya dokazatel'stv. – Moskva: Norma, 2021. – 408 s.

(статья сдана в редакцию 30.06.2021)